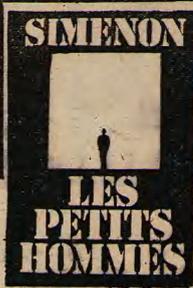

Лит. Россия, 1978, 17 февр

Жорж СИМЕНОН

ПРОСТЫЕ ЛЮДИ

впервые на русском языке

13 февраля французскому писателю Жоржу Сименону исполнилось 75 лет.

Огромное по объему творчество Жоржа Сименона, проникнутое доброй любовью к человеку, давно уже завоевало всемирное признание.

Теперь создатель комиссара Мегрэ больше не пишет романов. Он создает большое, очень своеобразное произведение, которое можно было бы отнести к «устной» литературе. Сименон, чья творческая страсть всегда был поиск человека, исследование глубин человеческой души, решил рассказать о времени и о себе. Он надиктовывает на магнитофон свои впечатления, воспоминания, размышления о прошлом, сегодняшнем дне и будущем. Во Франции уже опубликовано семь томов этих «устных» мемуаров, хотя сам писатель решительно против, чтобы его книгам присваивали это жанровое определение.

«Невзирая на свои годы, — говорит Жорж Сименон, — я верю: что бы ни случилось, человек победоносно выйдет из всех испытаний...»

Пафосом неистребимой веры в жизнь и человека отмечены эти книги Ж. Сименона.

Сегодня «Литературная Россия» публикует отрывки из третьего тома «устных» записок Жоржа Сименона, который называется «Простые люди».

Воскресенье, 23 июля 1974

МНЕ хотелось бы суметь описать состояние, в каком я нахожусь, но на это я не способен, потому что сам его не понимаю. В сущности, я думаю, что всю свою жизнь ощущал подобные моменты.

Я чувствую себя опустошенным. Мир мне кажется ирреальным. И все-таки мысль, что в один более или менее близкий день я должен его покинуть, тяготит меня. Некогда, находясь в таком состоянии, я писал роман и тем самым убежал от своей собственной реальности. Может быть, здесь причина того, что написал я их более двухсот.

Я всегда хотел идти дальше, глубже. С возрастом настал час, когда это усилие, даже чисто физическое, становится слишком тяжелым.

Однако я не смог принудить себя замолчать. В день своего семидесятилетия я купил магнитофон и с тех пор продиктовал около 1500 страниц. Всего три дня назад я закончил редактуру своего последнего текста «Письмо к моей матери».

Я сказал «последнего», потому что, надиктовывая его, был убежден, что так оно и будет.

Теперь я больше не нуждаю себя к молчанию. Мне нужно выражать себя. Но что именно выражать? Если бы я был поэтом, то с удовольствием писал бы какие-нибудь очень свежие пастиральные песенки, сохраняющие аромат детства.

Я — не поэт. Но я и не философ: не способен на глубокие идеи, которые стоят труда быть высказанными.

Вот, вероятно, причина моего душевного недомогания в последние два дня, которое у меня сразу же отражается на физическом состоянии.

Завтра, через десять дней, через месяц — не знаю точно когда — я вновь с энтузиазмом возьму свой микрофон и снова обрету покой, найду что сказать.

Но это не будет литературой. Я не люблю литературу. Может быть, это будет — диктуя, мне пришлось это на ум — простые человеческие истины. Те истины, о каких не задумываются, которым не придают значения или же которых стыдят-

ся и скрывают в глубине самих себя.

Кто знает? Может быть, именно накопление этих простых истин, этих мыслей, кажущихся мелкими, пролетающими в голове, словно легкий ветерок, образует нашу подлинную личность.

Своей личности я не знаю. И это не волнует меня, не ставит передо мной драматических проблем.

Однако я хотел бы ради забавы, ради удовольствия, весело, почти по-детски осветить ее уголки и закоулки.

Ведь чем больше я стараюсь, тем больше я обретаю в себе ребенка...

Понедельник, 24 июля 1974

Вчера по каким-то случайным мотивам я снова прослушал все, что надиктовал с утра. Это мне всегда неприятно, так же как и перечитывать свои книги. Однако я спросил себя, не может ли эта «диктовка» послужить введением или предисловием к книге, которую я надеюсь написать. Когда я говорю «книга», то слово это кажется мне претенциозным. Особенно, когда оно касается данного произведения. Мне хотелось бы, чтобы оно было как погода — смесью дождя и солнца, впечатлений и, может быть — о тщеславии! — размышлений...

Я читаю почти все еженедельники, кроме, разумеется, женских и кинематографических. Они все больше и больше заполняются очень серьезными и тревожными статьями о нашем будущем. Все — вопросы валюты, отопления, движения транспорта, даже электричества — вызывает беспокойство. Нет ни одного иллюстрированного журнала, который не предвещал бы нам катастрофу.

И тут происходит чудо. Человек читает обо всем этом, покачивая головой, а потом механически вновь погружается в свои повседневные заботы или простые личные радости.

Можно утверждать, что мы не созданы для того, чтобы думать в масштабах мира или хотя бы континента...

После моего отказа писать романы мне очень часто случается вызывать в памяти ту или иную эпоху своей жизни, то или другое событие прошлого. И я задаюсь вопросом: — Что же мне от них осталось?

Многое. Я чувствую себя богатым воспоминаниями. Но не теми, о которых я бы рассказал тогда. Мои воспоминания, которые теперь составляют часть моего существования, — это лучи солнца, стекающий по стеклам дождь, вкус кремowego мороженого, долгие, в одиночку, прогулки в парижских кварталах с остановками в старомодных быстро, где незнакомые посетители беседовали друг с другом.

То, что значило в моей жизни, — это ощущение жаркого солнца на коже, зимой — теплота огня в камин-

не, а главное — рынки, будь это в Лярошели, Каннах, Коннектикуте или где-либо в другом месте.

Запах овощей и фруктов. Мясник, разрезающий мясные туши. Разложенная на каменных прилавках рыба...

Суббота, 9 ноября 1974

В 1942 году, когда я начал писать роман «Родословная», который носит более или менее автобиографический характер или представляет собой слегка романизованную биографию, у меня была мысль дать книге подзаголовок «Эпопея простых людей».

Слова «простые люди» я использовал потому, что не находил другого выражения. В детстве я принадлежал к простым людям и до сих пор считаю себя одним из них, потому «белые воротнички», как называют в Соединенных Штатах служащих, точно так же суть простые люди, подобно ремесленникам и рабочим.

В то время пропасть разделяла «белые воротнички» и рабочих, особенно шахт и заводов.

Это отличие меня возмущало. Лучшие воспоминания моего детства связаны с улицей Пюи-ан-Сок, то есть домом моего деда Сименон-шляпника, который обучился своему ремеслу, будучи странствующим подмастерьем не только во Франции, но исходив Центральную Европу и Италию.

Вчера телевидение показало нам репортаж о других простых людях, бедных крестьянах из Севени, и здесь тоже можно было бы использовать слово «эпопея».

Ведь это действительно эпопея — жизнь этих людей, которые веками жили на суровой, неблагоприятной земле, где они должны были производить все для обеспечения семьи и где деньги, так сказать, не существовали...

Романист Шаброль, автор вчерашней передачи, сказал слова, поразившие меня; я цитирую по памяти, может быть, неточно:

— Есть только две категории людей, которые живут полной жизнью: принцы и нищие.

Принцы, то есть люди, которые имеют слишком много, обладают неисчерпаемыми средствами, и тем самым для них деньги почти безразличны.

Нищие, потому что все их ресурсы заключены в их руках и смелости.

Нам показали сложенный из неровных, взятых со дна реки камней дом, где жили отец и дед Шаброля, где они родились, умерли, где родился и сейчас живет Шаброль.

Именно это напомнило мне улицу Пюи-ан-Сок и мою бабушку по отцу, женщину, которая весь день не могла присесть, которая пекла хлеб для всех своих детей (у нее их было тринадцать) даже тогда, когда они переженились и нарожали своих собственных.

Жить своими собственными ресурсами, жить вне торговли и промышленности — это всегда казалось мне мечтой. Увы! Сегодня это неосуществимо. Мы больше не питаемся каштанами, как в Севени, как в Вандее, где я жил. Мы уже не выпекаем сами хлеб для семьи. Не делаем сыры. А большая часть населения даже не готовит дома.

Бабушка Шаброль, как и бабушка Сименон, еще подчинялась унаследованным от нескольких поколений правилам, правилам крестьян, правилам бедных, которые должны были придавать вкус и особый аромат вечно неизменным продуктам.

В глубине души я завидую своему собрату (Шаброль — превосходный романист), что он живет в доме своих предков и наследует все эти правила, наслаждается ими, каждый день повторяет жесты тех, кто ему предшествовал.

Простые люди были счастливы в своей нищете. Они еще умели ценить вкус самых простых вещей, они умели также восхищаться песней ручья, бликами солнца на воде, облаками, скользящими по блекло-голубому небу.

Означает ли быть ретроградом, если сожалеть об этом, не без возмущения проходить мимо супермаркетов, набитых консервами, замороженной или перемороженной пиццей?

Мои дети не жалеют ни о чем. Они родились вместе с рекламой во всех ее формах, со всевозможными ничемными приспособлениями, с автомобилями и мотосамобийцами.

Я потрясен, что один из моих сыновей — как и я, один из Сименонов, происходящий от шляпника с улицы Пюи-ан-Сок, — учится в Гарвардской школе бизнеса.

Бизнес! Но я не сержусь на сына. Он живет в ногу со своим временем. Но как было приятно считать не на миллионы, а на сантимы, потому что в годы моей юности еще можно было на сантим купить конфет.

Вскоре благодаря инфляции сами франки, без сомнения, исчезнут. Потребуются все более и более «тяжелые», как говорят, монеты, то есть дающие возможность покупать те бесполезные, излишние, часто смехотворные вещи, ради приобретения которых сегодня работают люди.

Я кончил, перевалив на восьмой десяток, тем, что почти вернулся к исходному пункту. На Вогезской площади в Париже много лет я занимал всего лишь студию, которая служила мне одновременно спальней, столовой, салоном и даже баром, потому что в углу находился настоящий бар.

Теперь моя жизнь, кроме часов приема пиццы, проходит также в одной комнате, где я, рядом с Терезой, подвожу итоги нашего существования. Я — счастлив.

С французского. Перевод Л. ТОКАРЕВА